

22. Alston, R. The Revolt of the Boukoloi: Geography, History and Myth / R. Alston // Organised Crime in the Ancient World. – L., 1999. P. 129–153.
23. Stramaglia, A. Covi di banditi e cadaveri “scomodi” in Lolliano, Apuleio e [Luciano] / A. Stramaglia // ZPE. –1992. – Bd. 94. – P. 59–63.
24. Harland, Ph. A. “These people are... Men Eaters”: Banquets of the Anti-Associations and Perceptions of Minority Cultural Groups / Ph. A. Harland // Identity and Interaction in the Ancient Mediterranean: Jews, Christians and Others. – Toronto, 2007. – P. 56–75.
25. Буркерт, В. Греческая религия: Архаика и классика / В. Буркерт. – СПб., 2004.
26. Merkelbach, R. Roman und Mysterium in der Antike / R. Merkelbach. – München, 1962.
27. Merkelbach R. Isis regina – Zeus Sarapis. Die griechisch-ägyptische Religion nach den Quellen dargestellt / R. Merkelbach. – Stuttgart-Leipzig, 1995.
28. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. – М.-Берлин, 2015.
29. Обручев, В. Плутония. Земля Санникова / В. Обручев. – М., 2003.

ОТНОШЕНИЕ ФЛОРА К ГРАЖДАНСКИМ ВОЙНАМ РИМА I В. ДО Н. Э. И ПЕРЕХОДУ РЕСПУБЛИКИ К ПРИНЦИПАТУ

А. И. Ганжуров

Минск, Белорусский государственный университет, Ganjurov@bsu.by

В статье исследуется отношение Флора к гражданским войнам в Риме в I в. до н.э., завершившимся установлением монархического режима принципата. Анализируются параллели автора между республиканским периодом и принципатом в Древнем Риме.

Ключевые слова: Флор; Римская республика; гражданские войны; гражданская свобода; монархия; принципат; демократия; социальные стереотипы.

The article examines the relationship of Florus to civil wars in Rome in the first century BC, culminating in the establishment of the monarchical regime the principate. Examines the parallels between the author of the Republican period and the principate in Ancient Rome.

Keywords: Florus; the Roman Republic; civil wars; civil liberties; monarchy; Principality; democracy; social stereotypes.

Введение. Исследование темы является важным для изучения понимания сущности гражданских войн в Риме I в. до н.э. античными историками разных эпох, современниками войн и историками периода поздней античности. Гражданские войны в Риме привели к установлению в Риме системы принципата – монархии, скрытой за республиканскими институтами. Римская цивитас превращалась из общества граждан в общество подданных и отношение Флора к гражданским войнам Рима I в. до н.э., а также в целом его отношение к демократии, позволит приблизиться к пониманию изменения отношения современного ему римского общества по сравнению с римскими историками, современниками самих войн.

Актуальность. Научная актуальность темы определяется её не исследованностью в отечественном и зарубежном антиковедении.

Цель. Целью исследования является сравнительный анализ восприятия античным историком Флором современных ему демократических элементов принципата по отношению к демократии конца республиканского периода Рима.

Задача. Выявление в труде Флора его отношения к демократическим институтам и гражданским войнам I в. до н.э.

Автор произведения «Две книги римских войн» Луций Анней Флор был рожден в I в. н.э. и написал свой труд при императоре Адриане (117 – 138 гг.) [1, с. 49; 2, с. 269, 284; 3, с. 352]. Хронологический охват его произведения – со времени основания Рима до принципата Августа. Судя по ярко эрудированному стилю изложения, он получил хорошее образование и отлично усвоил правила риторики [3, с. 352]. Достоверных сведений о биографии автора больше практически нет [2, с. 289].

Флор являлся последовательным приверженцем астрологии, считая, что благодаря царю Нуме двенадцать созвездий оказывают охранные услуги царскому Риму, республике и империи. О Нуме Флор писал: «И прежде всего он передал девам уход за очагом Весты, чтобы по примеру небесных созвездий неусыпно бодрствовало, охраняя империю, пламя» [4, с. 102]. Также астрология ответственна за гражданские, внешние, рабские, сухопутные и морские войны, сотрясавшие все римское государство от его основания. Например, по его убеждению: «Марианская, или Сулланская гражданская война была рождена, если так можно выразиться, под тремя звездами» [4, с. 162]. Наиболее эту позицию демонстрирует его выражение: «как при годичном круговороте неба приведенные в движение звезды трепещут и возвещают бури, так перемены в Римском государстве, распространившем свое господство на весь род человеческий, проявились в различного рода раздорах, гражданских, внешних, рабских, сухопутных и морских войнах, сотрясавших всю империю» [4, с. 177].

Любопытны и религиозные воззрения Флора. Говоря о богах, он использовал выражения: «якобы по указанию богини Эгерии» [4, с. 102], «как бы вдохновленный богами» [4, с. 103], «как бы вознаградив богов» [4, с. 107]. Вообще, слово *quasi* – «как будто» встречается у него около 125 раз и используется, как риторический прием, для передачи хоть и возвышенных, но не объективных явлений [3, с. 353]. Основание Капитолийского храма описано как: «Отсутствовали жители. Поблизости была роща. Ромул сделал ее священным убежищем. И сразу нахлынула поразительная масса людей» [4, с. 101]. Сообщая о смерти Ромула, Флор приводит данные об убийстве его сенатом и добавляет о сенаторе Юлии Прокуле «будто он видел Ромула в божественном облике и будто Ромул приказал считать себя богом» [4, с. 102]. Большие внедрения религиозных новаторств Нумы Помпилия Флор излагал так: «И все это якобы по указанию богини Эгерии, чтобы [его наставления] охотнее воспринимались невежественным людом. В конце концов он настолько укротил необузданный народ, что стал управлять государством, начавшимся с насилия и несправедливости, с помощью религии и законов» [4, с. 102]. В данном случае Флор считал, что этого требовали выгоды государства, поскольку «дело требовало того, чтобы дикий народ был смягчен страхом перед богами» [4, с. 105]. И лишь в двух местах Флор от своего имени определенно дает понять о своей вере в богов [4, с. 109, 127]. Хотя и здесь его выражение «Да, боги, не стыдно сказать» [4, с. 127], говорит о том, что он считал суеверие признаком принадлежности к дикому народу и толпе, легко впитывавшим религиозные слухи [4, с. 105, 133, 144]. В данном случае Флор описывал нападение на Рим Ганнибала: «сами боги во второй раз оказали противодействие Ганнибалу, когда он покинул лагерь у третьего милевого столба. Да, боги, не стыдно сказать»

[4, с. 127]. Тем не менее, описывая взятие Рима галлами он сообщал: «И в самом деле, натиск бедствий был таков, что я счел бы их ниспосланными богами. Ибо бессмертные боги хотели знать, достойна ли владеть миром римская доблесть» [4, с. 109]. Возможно, он был знаком с интеллектуалами-атеистами своего времени. Из 17 его упоминаний о богах, их наивысшая «активность» приходится на описания событий VIII–III вв. до н.э., где они упоминаются 13 раз, в то же время освещении им периода 88 – 44 гг. до н.э. фортуна упоминается 20 раз [2, с. 277]. Вероятно, Флор был близок к эпикурейским взглядам, признающим существование богов, которые не вмешиваются в жизнь людей, но по Флору, вмешивающихся в жизнь государств. Отсюда желания богов и предопределенность астрологических «законов» являются ключевым фактором для всех существенных событий в государстве [2, с. 288]. Нужно отметить, что при принципате наблюдалось уменьшение представителей мировоззрения Эпикура и Демокрита в связи с общим ростом религиозности. Лукиан Самосатский во II в. публикует ряд критических сочинений про религию, но не разрабатывает учение Эпикура или Демокрита в виде отдельного философского труда, как при поздней республике Тит Лукреций Кар. Лукрецию Кару также уступает в вольнодумстве и материалистических взглядах Гай Плиний Секунд Старший – эрудит I в. [5, с. 444].

Свою оценку политическим режимам римской истории Флор дал на первых страницах своей работы. По факту свержения царского строя в 509 г. до н.э. он пишет: «Свободный отныне римский народ поднял оружие против внешних врагов сначала за свободу, потом за границы, затем за союзников, наконец, за славу и империю, так как соседи беспрестанно совершали нападения отовсюду.... и до тех пор шел он на отдельные народы, пока, прибирая к рукам соседей, не покорил всю Италию» [2, с. 276]. При этом под империей он понимал принципат Августа «поскольку он основал империю» [4, с. 190]. То есть, сначала необходимо было сражаться за свободу в виде республиканского устройства государства. В рамках республики нужно было увеличить территорию и получить союзников. Завоевание внеиталийских народов необходимо было уже для блеска империи и является, по Флору, почетным и прекрасным [4, с. 154]. Отсюда следует, что Анней Флор относился к сменяющим друг друга режимам как к необходимой смене формы государственности для получения славы и создания огромной империи. Именно это и является конечной целью существования государства по Флору [2, с. 275]. В этой связи нужно отдать должное исследователю и переводчику Флора А.И. Немировскому, отметившему, что Римская империя, созданная с помощью вооруженной силы, могла нормально функционировать лишь при условии постоянной агрессии, что характерно для всех империй [2, с. 284].

Однако замечание о предпочтении существования государства в границах Италии косвенно говорит о привязанности автора к республиканским устоям, так как именно в этих границах Рим был республикой. В этом плане исключительно важно следующее рассуждение Флора: «И я не знаю, было бы ли лучше для римского народа ограничиться Сицилией или Африкой или даже, не тронув их, господствовать в одной Италии, чем, поднявшись до такого величия, губить себя своими же силами» в гражданских войнах [2, с. 279]. Таким образом, именно Флор поставил точку в вопросе воспеваания военной доблести и милитаризма Рима историками принципата. На его взгляд, преимущества среднего по размерам государства с республиканским устройством в конечном итоге уступают огромному государству с монархическим устройством. Откровенна и его характеристика Союзнической войны: «Хотя мы и называем эту войну Союзнической, чтобы смягчить ненависть, но, если сказать правду, это была

гражданская война» [4, с. 159]. По мнению Флора, устранение угрозы со стороны Карфагена и завоевания в Малой Азии привели к избытку счастья, сокровищ и богатства. Именно они «и повлекли ко дну государство, запутавшееся в тине своих пороков» [4, с. 154]. Стремлением к доминированию и богатству Флор объяснял страсть Помпея и Цезаря к занятию магистратур, которая привела к «погибели государство» [4, с. 154]. При этом Флор был убежден, что «важнее удержать провинцию, чем завоевать» [4, с. 136]. И пояснял: «Труднее удержать провинцию, чем завоевать: добытое силой удерживается законностью» [4, с. 186], что показывает, по Флору, причину и следствие возникновения юридических законов. Данные пассажи особенно актуальны для времен Адриана, при котором пришлось отказаться от части парфянских завоеваний Траяна. Отсюда можно сделать вывод, что Флор считал губительным выход за пределы Италии, в первую очередь для республики. В этой связи важно выяснить, какой режим вызывал наибольшие симпатии Аннея Флора.

У Флора встречаются двойственные оценки принципата и однозначная оценка республики. Во вступлении к своей работе он называл принципат старостью империи, которая лишь во времена Траяна возвращалась к юности из-за отказа императоров от Августа до Адриана от агрессивной внешней политики [4, с. 101], подчеркивая, таким образом, свое негативное отношение к современному ему строю. Однако далее, описывая перипетии Первой пунической войны, Флор обозначал победу римского флота над карфагенянами и его гибель от шторма как великое бедствие, которое, тем не менее, возвеличило достоинство народа принцепса, несмотря на рассказ о республиканском периоде [4, с. 121]. Здесь характерно использование термина «народ принцепса» Флором ко всем периодам развития древнего Рима. Исследователь и переводчик Флора А. И. Немировский обосновывает, что *princeps populus* – обычное для Флора обозначение римского народа, которое подразумевает римлян как изначально «главенствующий народ» в мире [6, с. 338]. При этом внешние войны обозначались им как справедливые [4, с. 154].

Оценки республики у Флора положительные. Сообщая о свержении Тарквиния Гордого, историк повествовал, что «даже невыносимое владычество последнего [царя] принесло пользу, и немалую. Ведь именно из-за него народ измученный беззакониями, загорелся страстью к свободе» [4, с. 105]. Далее римский народ изображается как бы вдохновленным богами на восстановление свободы и отстранение царя и передающим спасителям своей свободы полноту власти. Выражение «как бы» вполне может свидетельствовать о патетическом настрое Флора, скептически относящегося к сверхъестественным причинам установления республики, но не развивающим собственное мнение, вероятно, из-за опасения перед современной ему властью. Однако трижды использованное слово «свобода» в двух предложениях говорит о симпатии Флора к установлению республики. В этом отношении можно согласиться с советским исследователем С. И. Соболевским, считавшим, что об императорском периоде Рима Флор не говорит, потому, что героем его истории является римский народ, а при императорах эта роль народа заканчивается [3, с. 350]. И время республики являлось для него идеалом [3, с. 351], однако республика – идеал лишь в теории [3, с. 352].

Для Флора форма государственного устройство республики – это прежде всего свобода [4, с. 105, 106, 176, 178], а также «равенство, равной свободы для всех граждан» в лице сената и народа [4, с. 156, 176]. В событиях после разгрома Карфагена Флор акцентировал внимание на институте народных трибунов, стремившихся усилить свою власть с помощью выгодных для плебеев и всадников

законов, в конечном счете, возлагая на них ответственность за гражданские войны. Флор замечал, что это имело лишь видимость стремления к равенству, равной свободы для всех граждан, и привело к краху «несчастную республику», которая поплатилась гибелью [4, с. 156], что произошло уже после действий Помпея и Цезаря [4, с. 154]. Тиберий Гракх из-за страха выдачи его нумантийцам решился снискать народное расположение невыгодной сенату аграрной реформой, за что и был убит. Здесь Флор демонстрировал свое знание закона 509 г. до н.э. позволяющего убивать без суда человека, стремящегося к царской власти, сообщая о возможном требовании себе царской власти Тиберием. Любопытно, что историк осуждал второй подряд трибуна Гая Гракха, а также прямо называл тиранией факт трехкратного избрания трибуном Сатурнина, сообщая о положительном отношении трибуна к именованию его царем своим окружением [4, с. 157–158].

Виновным за начало войны между Марием и Суллой Флор считал Мария, который пошел на конфликт из-за жажды почестей и также в прошлом был трибуном [4, с. 163]. У историка также и Цезарь, и Красс, и Помпей одержимы жаждой власти [6, с. 168]. Симптоматично обозначены триумфы Цезаря, где вслед за их перечислением, автором дается эмоциональная оценка: «Не увидели ни Фарсала, ни Тапса, ни Мунды. Насколько более значительным было то, чего не отметил триумф!» [4, с. 175]. Таким образом, Флор определенно подчеркивал свои симпатии к республике. Символично обозначены автором почести сената и народа Цезарю, включая царскую диадему поднесенную Антонием. Они интерпретированы как священная повязка для жертвенного животного, предназначенного к закланию, так как сама возможность получать благодеяния была невыносимо тяжела для свободных людей [4, с. 176]. Для Флора Цезарь являлся первым принцепсом, и он дает ему характерную эпитафию «так тот, кто залил мир кровью сограждан, в конце концов, наполнил курию своей собственной кровью» [4, с. 176].

Флор не замечал общей бесповоротной тенденции к централизации и сакрализации власти в поздней республике и полагал, что римский народ возвратился бы к прежнему состоянию свободы, не будь у Помпея детей, а у Цезаря наследника, и если бы не пожалел Брут Антония, который «выродился в царя» [4, с. 176]. Это видно и из его оценки Брута и Кассия, которые «изгнали Цезаря с царского трона, как Тарквиния, но этим клятвопреступлением они погубили свободу, которую более всего хотели восстановить» [4, с. 178]. По этим причинам «для римского народа не было иного выхода, как искать спасения в рабстве» [4, с. 176]. События после убийства Цезаря уже освещались Флором с позиции официальной оценки, данной Августом [2, с. 282–283]. И здесь он сообщал, что нужно еще радоваться тому, что при таком разладе империи высшая власть перешла к Октавиану, так как «она, несомненно, никогда бы не пришла к единству и согласию, если бы не воспользовалась помощью одного защитника, соединившего в себе душу и ум» [4, с. 176], и Римская империя стала как никогда пользоваться международным признанием и авторитетом [4, с. 189]. Далее Флор явно в оправдание сообщал о страхе смерти Октавиана перед объединенными армиями Антония и Лепида, из-за чего будущему принцепсу пришлось примкнуть к «сообществу кровавого заговора» [4, с. 178]. При этом мотив Октавиану дается наиболее благородный. Если Лепидом двигала жажда наживы, а Антонием жажда мести за себя, то за Октавианом стояли боги в виде манов за убийство Цезаря. Возвеличивание Октавиана наблюдается и в оценке убийства Цицерона, где Флор сообщал: «Это – преступление (*проскрипционных* – А. Г.) таблиц Антония и Лепида. Октавиан довольствовался убийцами отца: «если бы убийство Цезаря

осталось неотомщенным, считалось бы справедливым убийство его самого» [4, с. 178].

Следует заключить, что в изложении своих взглядов во времена после почти двухсотлетнего существования принципата Флор сохранял яркие симпатии к республике и ее форме правления. Республику Флор определял как равенство и равную свободу сената и народа, а также просто термином свобода. У него уживаются две осознаваемые им противоположности. Анней Флор выражал сомнения в необходимости в прошлом расширения границ республики за пределы Италии из-за невозможности управления увеличивающимся государством республиканской формой правления, существовавшей в географических рамках Апеннинского полуострова. За исключением Аппиана историки всех периодов последовательно воспевали военную доблесть и милитаризм Рима. Можно сказать, что именно Флор поставил точку в этом вопросе. На его взгляд преимущества среднего по размерам государства с республиканским устройством в конечном итоге уступают огромному государству с монархическим устройством. Таким образом, стремление к расширению границ республики и империи явилось ключевым фактором в оправдании историками принципата тезиса невозможности управления увеличивающимся государством и населением с помощью республиканских институтов. Независимо от соображений выгоды республиканские свободы и равенство вызывали открытые симпатии Флора. Однако он отдавал себе отчет, что огромные территории республика уже не могла контролировать при существовавших тогда политических механизмах, и режим принципата был необходим для функционирования и сохранения государства. Флор приветствовал блеск, почет и славу империи, считая это прекрасным. Несмотря на ее недостатки, он видел в ней конечную цель существования государства. Анней Флор объяснял это желанием богов и предопределенностью астрологических «законов» несмотря на то, что при принципате наблюдалось уменьшение представителей мировоззрения Эпикура и Демокрита в связи с общим ростом религиозности. Представители этого мировоззрения при принципате Лукиан Самосатский и Гай Плиний Секунд Старший уступают в вольнодумстве и материалистических взглядах уроженцу Республики Титу Лукрецию Кару. В этом же ключе Флор рассматривал и свое отношение к гражданским войнам. Из-за богатств, хлынувших в республику из завоеванных вне Италии провинций, и желания доминирования лидеры плебеев посеяли семена раздора, приведшие к установлению единоличного правления. Начало гражданских войн Флор относил к событиям 133 г. до н.э. применительно к убийству Тиберия Гракха.

Анней Флор являлся одним из самых ярких представителей историков принципата, поддерживавших идеи республики, и одним из лучших интеллектуалов своего времени наравне с Лукианом Самосатским, Аппианом, Плутархом и другими. Республиканские ценности вызывали симпатии Флора и сожаление о невозможности их применения при современном ему принципате.

Библиографические ссылки

1. Ковалев, С. И. История Рима / С. И. Ковалев. – СПб.: Полигон, 2002. – 864 с.
2. Немировский, А. И. Луций Анней Флор / А. И. Немировский // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампейлий. – М.: Ладомир, 1996. – С. 267–301.
3. Соболевский, С. И. Историческая литература II–III вв. / С. И. Соболевский // История римской литературы. – М.: АН СССР, 1962. – Т. 2. – С. 330–356.

4. Малые римские историки. Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампелий. – М.: Ладомир, 1996. – 388 с.

5. Токарев, С. А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. – М.: Политиздат, 1986. – 576 с.

6. Немировский, А. И. Комментарии / А. И. Немировский // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампелий. – М.: Ладомир, 1996. – С. 311–373.

ВСАДНИЧЕСКИЙ *CURSUS HONORUM* В ПЕРИОД РАННЕЙ ИМПЕРИИ

С. В. Телепень

Мозырь, Мозырский государственный педагогический университет, telepen_serg@mail.ru

В статье рассматривается всаднический *cursus honorum* (главным образом в его наиболее значимом выражении – продвижении через прокураторские должности). Анализируются предполагаемые факторы, влиявшие на назначение эквитов на административные посты, а также на продвижение императорских назначенцев по должностной лестнице. Исследуется проблема «стандартной» всаднической карьеры. Вывод, к которому приходит автор, заключается в том, что хотя в науке со времен Х-Г.Пфлаума высказывается идея о существовании в период Принципата относительно независимой от воли императора схемы всаднической карьеры, однако ни эпиграфические, ни литературные памятники не подтверждают данного предположения. И напротив, наличный источниковый материал указывает, что в отличие от сенаторской карьеры, эквитский *cursus honorum* определялся только волей императора, что согласуется с изначально частноправовым характером римской прокуратуры.

Ключевые слова: Римская империя; принцепс; всадничество (эквиты); провинциальное управление; прокураторы; префекты; *cursus honorum*; *militiae equestres*; эпиграфика; просопография.

The article deals with the equestrian *cursus honorum* (mainly in its most significant expression – promotion through procuratorial positions). The article analyzes the supposed factors that influenced the appointment of equites to administrative posts, as well as the promotion of the imperial appointees up the ranks. The problem of the “standard” equestrian career is investigated. The conclusion to which the author comes is although in science since the time of H.-G. Pflaum the idea of the existence of a relatively independent from the will of the emperor, a scheme of an equestrian career has been expressed in the Principate period, neither epigraphic nor literary monuments confirm this assumption. On the contrary, the available source material indicates that, in contrast to the senatorial career, the equestrian *cursus honorum* was determined only by the will of the emperor which is consistent with the originally private-law nature of the Roman procuratorship.

Keywords: Roman Empire; princeps; “knights” (*equites*); provincial government; procurators; prefects; *cursus honorum*; *militiae equestres*; epigraphy; prosopography.

Понятие *cursus honorum* традиционно ассоциируется с сенаторским сословием Древнего Рима. Обозначать данным понятием карьеру эквитов (т.е. римских всадников), их продвижение по ступеням военных и административных постов историки стали относительно недавно. Но и в этом случае мы лишь делаем терминологическое допущение, пренебрегая юридическими деталями ради ясности и возможности сопоставления с *cursus honorum* сенаторов. Разумеется, о всаднической карьере можно говорить лишь с рядом оговорок, и первой из них